

Ирина Кир

Графини Вишенки

Ирина Кир Графини Вишенки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24309924

ISBN 9785448526572

Аннотация

Редко кто откажется от клада или наследства. Обыкновенные московские близняшки Вика и Ника – не исключение. Только кладом они считают любовь близких, а наследством – тайны своих предков. Начавшись в Москве, история переместится в Европу, где откроет секреты виноделия и преподаст уроки хождения под парусом. Вместе с героями читатель усмирит шторм и спляшет с английскими моряками. По щекам протекут соленые океанические волны вперемешку со слезами счастья. Повесть основана на реальных событиях.

Содержание

Часть 1	5
«Происхождение Александрии»	5
Теория графов	12
Шторм в зеленом море	25
Синдром сиротства	32
Пандан4	41
Парадигмы физики	45
Dolce vita e cosa via7	56
Egoists	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Графини Вишенки

Ирина Кир

Всем мамам на свете посвящается

© Ирина Кир, 2017

ISBN 978-5-4485-2657-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

«Происхождение Александрии»

«Запалил» их родной дед. Он вообще редко появлялся на третьем этаже, но всех восьмиклассников в тот день забрали на диспансеризацию, и у преподавателя математики старших классов Павла Степановича Санчеса (*Донкихота*) образовалось окно. Галантным кавалером он выгуливал также оставшуюся без учеников Капитошку (глобусоподобную географичку и завуча Капитолину Евгеньевну Веденееву), делясь планами по возвращиванию грунтовых помидор.

– В этом сезоне, Капитолина Евгеньевна, – почти шепотом говорил Донкихот куда-то в область Полярного круга, – к уже проверенным сортам «Грибовский» и «Талалихин» я решил добавить экзотики: «Тигровый» и «Черный принц».

– Да что вы! – всплескивала полными руками Капитошка, отчего подол ее платья поддергивался, оголяя «неистовые», как сказали бы моряки, сороковые широты. – «Тигровый» – он же такой капризный! У меня в теплице ничего не вышло, а вы в грунт собираетесь...

– Ерунда! – отмахивался Павел Степанович. – Во-первых, я подниму уровень грядок. Во-вторых, присыплю торфом. Он даст дополнительное тепло. Затем засыплю торф слоем

плодородного грунта и застелю его черной плее...

Математик оборвал слово «пленкой» на первом слоге – из туалета, ничего не подозревая, высунулись две довольные физиономии, и у Павла Степановича в мгновение все встало на свои места. «Ах, паршивки! – мелькнуло в голове у деда. – Вот, значит, в чем дело! Они там переодевались! Ну что ж ты с ними будешь делать!»

– Что я хочу вам сказать, Капитолина Евгеньевна, – обратился Донкихот к еще размышляющей о помидорах Капитошке, – у вас есть повод собрать педсовет и устроить разбор полетов. Вот ведь негодницы! Ух, сейчас я вам задам! Вика, Ника, Вишневы! Ну ка! Обе! Ж-живо сюда!

Две пары абсолютно одинаковых уникальных фиолетовых глаз, предмет вожделения назойливых генетиков, уставились на него не мигая.

– Ладно-ладно, дедушка, – произнесла с неким вызовом Вика, понимая, что их снова вывели на чистую воду. – Мы тебе это еще припомним.

– Все равно что-нибудь придумаем, – добавила Ника, предчувствуя очередной педсовет и неизбежные превентивные меры.

В том, что внучки изобретут что-то новое, Павел Степанович даже не сомневался.

Переодевание – далеко не первый маскировочный трюк, что проделывали близняшки, обманывая учителей. Внешне девочки были совершенно неразличимы (в младенчестве

им даже повязывали на ручки разные ленточки). Более того, несмотря на совершенно разные характеры, сестры с легкостью мимикрировали: серьезная Вика при необходимости «поднимала ирокез» и, издавая совершенно неприличные звуки, вприпрыжку преодолевала рекреацию, а ветреная Ника надувалась от важности и с умным видом утыкалась носом в книжку, в которой ничего, кроме букв, не понимала. Походка, локомоторика и манеры девочек также не способствовали идентификации близнецов. Даже неправильный прикус с дефектом правого верхнего резца вполне мог являться частью хвоста той загадочной кометы по имени «Происхождение Александрии» – генетической мутации, что окрасила глаза девчонок в необычный фиолетовый цвет. Природа с самой первой минуты зарождения их во чреве матери намертво стояла на стороне близняшек, а вот неживая материя – сдавала. Сестер Вишневых отличали только по личным вещам и увлечениям.

Вика много читала и любила собирать коллекции. Не важно чего: фантиков, календариков, вкладышей и даже кактусов. Ника увлекалась тем же, но быстро перегорала, сдавая трофеи сестре. Нельзя сказать, что она не любила читать. Не будь Вички, может, и открыла бы пару-другую книг, но к чему тратить время? Каждый день перед сном девочки обменивались впечатлениями о прошедшем дне и Вика рассказывала о прочитанном. Очень удобно.

Другое дело одежда. В карманах Ники чего только не во-

дилось: болты, гайки, сломанные точилки, истрепанные резинки для волос, фантики от одних конфет и лишённые оберток другие сладости, половинки ластиков, кнопки, монетки, гнутые пивные пробки. Список стремился к бесконечности. У Вики все с точностью до наоборот, только с существенной особенностью: любой обитатель кармана имел пару для сестры: аккуратно сложенные носовые платки, детский кошелечек с небольшой суммой денег (на булочки и компоты в школьной столовой), завернутые в салфетку конфеты. Содержимое портфелей имело ту же структуру, что и карманы. Пуговичный ряд Никиных кофточек, курточек и пальто часто недосчитывался одного-двух членов, воротничок с манжетами школьной формы лежали как попало, фартук давно просил утюга, а общую картину «украшали» заплатки, различного вида кляксы и следы самостоятельных попыток вывести то или иное пятно. А вот обувь они стаптывали одинаково безобразно: сбивали мыски, протирали подошвы, что объяснимо для сорвиголовы Ники, но не укладывалось в образ уравновешенной Вики. Состояние обуви наводило на мысль, что девочки ею просто меняются, что не совсем отвечало действительности – на самом деле они не обращали внимания, что надевают на ноги. До поры до времени.

Первый «мухляж» сестры Вишневы замыслили в начале второго класса, когда Ника решила, что учиться ей совершенно не обязательно. Зачем тратить время на какие-то

там чтения и математики, когда есть Вика? Она все прочтет и выучит, а в мире столько интересных вещей, которые ждать не будут! Так начались пятерочные диктанты и отличные контрольные у посредственной в течение четверти Ники. Русский Ника просто списывала у сидящей рядом сестры, а контрольные способная в математике Вика быстро считала на два варианта. Обман раскрыли, и девочек рассадили. Нике пришлось скрепя сердце засесть за учебу. Шли дни, за окном кипела жизнь, да все мимо... И тогда в голову Ники, просто созданную для афер, пришла мысль употребить свой рано обнаружившийся талант к подделыванию подписей в более широком диапазоне: выучиться аккуратному, чуть с наклоном почерку сестры. Вика, в свою очередь, освоила прыгучие каракули близняшки, и произошел первый случай подмены одежды: в день контрольной девочки пришли переодетые. Затем дело поставили на поток: Ника получала за диктанты и контрольные пятерки, а умница отличница Вика получала... то, что получала. Таким образом, общие оценки у девочек в четверти выравнивались. Это снова навело на некие мысли... Вызвали деда...

К концу четвертого года обучения их разделили по разным классам. На какое-то время чудеса происходить перестали, и Ника вроде бы снова взялась за ум... пока Донкихот не застучал переодевавшихся уже пятюклашек Вишневых в туалете. Схема оказалась простой и изящной: если Нике грозил вызов к доске или в классе случались контрольные

и самостоятельные, близняшки в заранее оговоренное время просились в туалет.

– Я все понимаю, – удивлялась молоденькая русичка. Она не проработала года и многого из происходящего в школе еще не знала, – но почерки?

– Почерки для них не проблема, – хором отвечали «опытные» педагоги.

– Кто бы мог подумать? – произнесла учительница математики младших классов. – Как, оказывается, от перемены слагаемых может измениться сумма...

На следующий день Капитошка попросила Павла Степановича зайти к ней в кабинет.

– Павел Степанович, – завуч тяжело вздохнула, и по Евразии прошла волна землетрясений, – я вчера не стала вам говорить. Не хотела расстраивать... но снова звонили генетики. Просят разрешения поработать с девочками. Сами же видите – случай уникальный.

– Нет! – Донкихот вскочил со своего места. – Нет! Нет! Нет! И еще раз НЕТ! Никаких врачей! Никаких генетиков! – И рассек ладонью воздух. – Исследовать они их собрались! Близнецы мои что? Подопытные кролики?! Лучше бы у матери их в свое время болезнь выявили! Тогда Светочка моя была бы жива!

– Да, да, конечно, – ответила Капитолина Евгеньевна и опустила глаза. – Да, да...

...Да уж, – произнесла она уже самой себе, закрывая

за Санчесом дверь. Свету Санчес Капитолина знала очень хорошо – была ее классной руководительницей в свое время. Умная, одаренная, разносторонне развитая девочка отличалась своенравием и граничащим с безрассудством упрямством – если Света принимала решение, то никакая в мире сила не могла его отменить. Даже собственная смерть.

Теория графов

«Трудно быть богом, а гением легко!» – шутил Михаил Вишнев, и еще вопрос, к кому из двух названных категорий он себя причислял. Одно не вызывало сомнений – везунчик. Именно так называли таких, как Миша. Если бы не выдающиеся способности в математике, с такой внешностью прямая дорога в артисты. Его действительно останавливали на улице, приходили в школу, но мать, в прошлом актриса, быстро объяснила сыну все исподнее Мельпомены¹, и мальчик быстро сообразил, что с цифрами оно надежнее.

Родственники в Москве, пожилая бездетная пара, обнаружили года три спустя после войны, и Маргарита Андреевна с сыном начиная с пятидесят третьего регулярно проводили на их даче в Долгопрудном месяц школьных каникул, делая время от времени набеги в столицу. С переездом не торопились, но, когда встал вопрос, в каком вузе приложить Мишенькин ум, решение однозначно сложилось в пользу Москвы. Таким образом, за два года до окончания Мишей школы Вишневы покинули родную Юрмалу и переселились в Первопрестольную.

Его сверстники пыжились и торопились: зацепиться за столицу, сделать карьеру, что-то достать, куда-то попасть, обзавестись женой, детьми, полезными знакомствами, лю-

¹ Мельпомена – в греческой мифологии муза трагедии.

бовницами в конце концов, но Михаила вся эта суэта совершенно не касалась. У него все имелось. Карьера в кармане чуть ли не со второго курса института – только успевай работы писать, защищать их да речи для симпозиумов референтам передавать. Хорошая зарплата, машина, дачный участок и прочие блага соцреализма: спецзаказы, путевки *на юга*, билеты на концерты – то, о чем другие только мечтают. Однако и в его бочке меда не обошлось без ложки дегтя – работы Михаила регулярно переводились на иностранные языки, его желали видеть на зарубежных симпозиумах, но на Вишневе стоял штамп «невыездной». За «черную метку» молодой ученый регулярно говорил особое, выразительное «спасибо» папеньке, некоему Нилу Алексеевичу Вишневу, которого в глаза не видел. Миша родился в августе сорок первого года в небольшом частном особнячке Рижского взморья (так тогда называлась Юрмала). Стоило немцам появиться в Латвии – Нил вместе с прежними убеждениями, позволившими ему прекрасно устроиться при советской власти, предал жену и новорожденного сына. К политике и карательным операциям Вишнев-старший отношения не имел. Его стезей, как и при прежних властях, так и при новых господах, была радиосвязь. Из чего угодно мог собрать передатчик, легко ловил волну, пальцы у него считались «счастливыми»... имел кое-какие знания в дешифровке. Папашка, скорее всего, что-то такое расслышал или правильно интерпретировал – иначе зачем бежать из Риги под покровом ночи

в конце июля 1944-го? Дальше его след терялся, но самого наличия Нила вполне хватало, чтобы отравить жизнь сыну.

Ну да леший с ними: с отцом и его заграницей, в которой он ведь где-то обретается, старый хрыч... В жизни столько прекрасного и интересного! Например, женщины. Нет, в категорию бабников Миша не попадал – просто пользовался время от времени тем, что само шло в руки, совершенно не растрчивая себя на ненужные переживания. Впрочем, на романтизм времени и так не оставалось – львиную часть съедала научная работа, а еще преподавательская деятельность, плавание и парусный спорт, вывезенный с Рижского взморья в новую гавань клязьминских берегов. Так что о женитьбе Михаил не помышлял.

Идею отметить Мишкин тридцать шестой день рождения в родном яхт-клубе «Спартак» подкинул Стас Говорко. Подхваченная на ура, что та яхта волнами, она на манер лодки сразу начала обрастать водорослями в виде различных «если»: а если не будет ветра, а если будет дождь, а если кого укачает, а если... но сама мысль – пожарить шашлыки и немного выпить во здравие юбиляра на берегах Клязьминского водохранилища пришлась всем по вкусу. А *вот если* не будет погоды, тогда можно собраться у Мишки на даче – она недалеко.

Погода не подвела, и гулянье шло полным ходом. Дождавшись удобного момента, когда именинник останется один, к нему как бы невзначай, проходя мимо, присела на раски-

нутый плед жена Стаса Лариса. В одной руке слегка подвыпившая женщина держала стакан, в другой яблоко.

– Ну что, Вишнев-Черешнев, отдыхаешь? – спросила Лара и с такой силой вонзилась зубами в яблоко, что Миша вздрогнул – как его укусила.

Их недолгий роман закончился несколько лет назад, а Лара до сих пор не могла принять отставки и отпустить Мишку. Сама виновата – возомнила о себе, в оборот решила взять, на святая святых – на свободу задумала покуситься и дружбу мужскую сломать. Наивная. Променять Стаса на какую-то бабу? Да ни за что! Подумаешь, спал с его женой. Мало ли кто с кем спит? А вот друзья – это другое дело.

– Отдыхаю, Ларусик, отдыхаю, дорогая. – Михаил снисходительно улыбнулся и отложил в сторону семиструнную гитару, на которой наигрывал любимого Высоцкого.

– А знаешь, Мишка, у меня для тебя созрел тост! – И Лара потянулась за стоявшей на Мишиной половине бутылкой красного.

Чтобы не давать жене друга лишний повод заявить на него свои права, коснувшись всем, чем только можно, его тела, Михаил остановил женщину, достал бутылку и наполнил стаканы: себе и Ларисе.

– Я слушаю тебя. Очень внимательно.

– А хочю я, Мишка, выпить за то, чтобы ты все-таки обернулся вокруг, увидел ЕЕ и потерял наконец свою красивую голову!

Лариса до сих пор имела на него виды. Это читалось в глазах, в поведении, и даже тост этот говорил о том, что, мол, хватит уже... ты же видишь, вот она я. Ну, сколько можно? Михаил не хотел обижать жену друга, он вообще не связывался с женщинами, а с пьяными тем более, поэтому решил обратить все в шутку:

– Прекрасно, Ларчик! Изящно и со вкусом! С удовольствием присоединюсь к твоему тосту. Итак, за Эйнштейна и его теорию вероятности!

– При чем здесь Эйнштейн? – икнула Лара. – Нет, ты скажи – при чем здесь Эйнштейн? Вишнев! Я за тебя пью!

– А при том, что, согласно его теории, вероятность потерять голову от женщины в моем случае стремится к нулю! – И чокнулся с неподвижным Лариным стаканом.

Да, он действительно был такой.

На первые занятия слушатели подготовительных курсов часто опаздывали – не могли разобраться с нумерацией аудиторий. Но и сам Вишнев припозднился – он не читал у *абитуры*, просто Стас Говорко попросил подменить.

Она влетела в аудиторию через десять минут после предполагаемого начала занятий. Растрепанная, возбужденная, уверенная в себе.

– Уфф! Еле вас нашла!

– Да я только вас и ждал. Боялся начать, – с сарказмом ответил Михаил, копаясь в чужих бумагах, ища ведомости со списком абитуриентов. О! Вот она! Вишнев вытащил ти-

пографский бланк и повернулся к вошедшей...

– Вы правда меня ждали? – серьезно спросила веснушчатая девушка, глядя ему... в самое сердце!

«Я ждал тебя всю жизнь», – чуть не вырвалось у закоренелого холостяка.

– Садитесь, – почти шепотом ответил он, испугавшись собственной мысли, и начал переключку: – Абанина Анна Васильевна.

– Я!

– Аверченко Игорь Константинович.

– Я!

– Агранат Александр Матвеевич.

– Я!

Михаил еще не дошел до буквы «К», а в голове само собой сложилось:

Ах, эта форма бытия, где нет тебя,

Несовершенна,

Слепа, убога и пуста,

Как я до этого момента.

И тут же красным пунктиром корректора в розовый туман любовной лирики вторглась грубая проза: «Совсем с ума сошел, старый козел? Она же несовершеннолетняя!»

– Савватеев Иван Леонидович

– Я!

– Санчес Светлана Павловна.

– Я!

«Я люблю тебя».

Михаил старался не смотреть на Санчес, но постоянно чувствовал на себе ее взгляд. Это одновременно и пугало, и наполняло радостью. Постепенно он совладал с собой, включился в рабочий ритм и, почувствовав отдачу со стороны аудитории, вошел в раж, уходя все дальше от предписанной программой темы. Абитуриентам такой подход пришелся по вкусу: за партами сидели не простые школьники, а физико-математические ребята, занимающиеся с репетиторами по программам первого курса института. Они задавали каверзные вопросы, и Вишнев мастерски отражал атаки. К концу лекции Михаил окончательно расправил крылья и решил уложить группу на лопатки, а заодно произвести эффект на сидевшую в конце аудитории Свету.

– Итак, – Вишнев нарисовал подобие созвездия, – как вы думаете, что перед вами и чем это можно описать?

– Я думаю, здесь применима теория графов, – ответила Светлана, не вставая с места.

Часть ребят обернулись, а преподаватель в изумлении уставился на девушку.

– А я и не знал, что дискретную математику сейчас преподают в средней школе, – на выдохе прокомментировал Михаил, а сердце колотилось, едва не выскакивая из рубашки.

– Не преподают, – ответила абитуриентка, глядя на него зелеными, как отмель перед штормом, глазами, – но мне теория графов здесь кажется наиболее уместной.

«Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!!!»

Светлане Санчес могла светить серебряная медаль, если бы не тройка по пению, проистекающая из-за неуда по поведению, но идти на поклон к учительнице музыки Светка не собиралась. Упрямая, шальная, своенравная. Зато побеждала на всех математических олимпиадах, что ее вполне устраивало. Для средней полосы ее внешность считалась экзотической: черные волосы, зеленые глаза, россыпь солнечных веснушек на неожиданно бледном лице. Света вполне вписывалась в каноны красавицы, но поклонники не спешили выстраиваться в шеренги: Санчес считалась девицей странной, а с такими не связываются. Другая бы на ее месте переживала: все девчонки крутят романы, одна она с книжкой, в секциях да с подружками-дурнушками. Только Светка и не думала расстраиваться. Из-за чего? Ровесники ее совершенно не интересовали, а в мужчинах она в первую очередь ценила ум.

Внезапное увлечение дочери парусным спортом родители Светы восприняли почти спокойно. После фехтования, скандального эсперанто, спортивного ориентирования и грузинских народных танцев переход в парусный спорт казался даже и логичным.

– А как же институт? – на всякий случай спросила мать, хотя прекрасно отдавала себе отчет в том, что, если дочь что решила, так тому и быть. И точка.

– Так это ж секция в институте, – отвечала Светка, натяги-

вая свитер. – Какая разница, где теорию проходить? А на базу «Спартака», это ж от него секция, выезжаем только по субботам.

Парадокс их ситуации заключался в том, что ни Светлана, ни Михаил не могли поделиться с близкими охватившим их счастьем. Что Света скажет подругам? Не дай бог до родителей дойдет. А уж про Вишнева даже думать страшно – вся карьера коту под хвост. Выходило, что о самом главном в их жизни они могли говорить только друг с другом. Вопрос – где? Ранней осенью еще можно пройтись за руку по шуршащей листве, а в конце ноября... Не по подъездам же обжиматься приличным людям? Тогда Светка придумала «яхт-клуб», а то, что Мишкина дача рядом... Да кто про это знает?

Она летела в этот «клуб» на всех парусах, едва успев кинуть после звонка учебники в портфель и застегнуть на нем пряжку. Порой в школьной форме, без обеда... И он бежал на встречу со своей русалкой, чтобы утонуть в ее морских глазах, чтобы вдохнуть ее аромат, благоговейно пойти ко дну и умереть, сладостно приняв глухие удары ее сердца, а затем воскреснуть, обязательно воскреснуть, когда, сделав упор на букву «В», она вдохнет в него шепотом жизнь: «В-вишнеффф» – и пройдетя правой рукой по шее. Господи! Как же это было счастье!

– Светка, – сказал Вишнев в тот день, когда они едва не расстались, – делай что хочешь, но только тебе исполня-

ется восемнадцать лет – идем в ЗАГС.

Морская отмель колыхнулась, блеснув лежащими на ее дне драгоценными камнями.

Сотрудница ЗАГСа, обладательница приторно-пьянящего имени Изабелла, перезрелая старая дева сильно за тридцать, вяло и с одолжением принимала заявления. «Куда им жениться? – думала она, разглядывая студенческие пары. – Молоко на губах не обсохло, а женилки-то уже поотрастали! Через два года прискачете ко мне как миленькие на развод». Немолодые брачующиеся также не оставались без внимания: «И вот нужно оно, на старости лет? Жили бы себе и жили! Второй год как в кредит дышат, а все туда же». Изабеллу одинаково раздражали как хорошенькие, так и невзрачные невесты (потаскушки и *мли* в обмороке), девушки стройные и в теле (селетки со свиноматками), и вообще работа сама по себе ей тоже не нравилась – ходят тут... Роскошного широкоплечего мужика, почти ровесника, она сразу же «срисовала» в дверном проеме. «Хотела бы я знать, кому такое счастье подвалило. – напряглась регистраторша и тут же вспыхнула: – Ах ты, дрянь малолетняя! Не могла себе студентика какого подыскать? Ну ладно, давайте документы, поглядим, кто тут к нам пожаловал».

«Та-ак, – размышляла Изабелла, – жених. Гражданин Михаил Нилович Вишневецкий, сорок первого года рождения, русский, место рождения: город Юрмала. Вот ведь попадают кому-то такие роскошные холостяки... Теперь невеста...

Что?! Только сегодня исполнилось восемнадцать? – Регистраторша непроизвольно подняла глаза на заявителей, но те ее не замечали – держались за руки и улыбались друг другу. – Понятно, старый кобель и молоденькая сучка. А хороша ведь, стерва. Ладно, и такие, как ты, стареют. Санчес Светлана Павловна, шестидесятого года рождения, испанка... Вот тебе и раз... Теперь понятно, как ты Вишнева своего окрутила. Ох, берегись, мужик, ранний инфаркт с такой кобылкой тебе обеспечен. Нет чтобы на нормальной жениться...»

– Молодые, – прокашлялась Изабелла, – я вообще-то к вам обращаюсь. На какую дату регистрацию брака ставить?

– На любую. Главное, чтобы побыстрее, – ответила невеста.

«Ты посмотри, какая дерзкая! Ой, Вишнев, Вишнев, нахлебаешься ты еще с этой красоткой. Ну сейчас я тебя, девонька, на место-то поставлю».

– А вы, жених, какую бы дату предпочли?

– Любую, – снова ответила Санчес, не мигая уставившись на Изабеллу. И было в том взгляде столько силы, власти и решительности, что у сотрудницы ЗАГСа сразу же сошло на нет желание кого-либо ставить на место.

«Огонь девка, – думала им вслед регистраторша, – упаси господи пойти ей наперекор».

Поначалу Маргарита Андреевна к невестке относилась настороженно. И дело не в разнице в возрасте: сама, помнится, в двадцать лет первым браком выскочила замуж за немо-

лодого графа. И, кстати, не так чтобы уж сильно по расчету: приятный мужчина был, обходительный, умел за женщинами ухаживать, себя преподать. Нынешний контингент пошел уже совсем не тот, а графы так и вовсе вывелись... В Свете свекровь тревожило иное – уж больно резкая девочка, прямолинейная, неженственная, но в то же время искренняя и совершенно бесхитростная. Не старается понравиться, втереться в доверие. А может, Мише именно такая и нужна? Пока бывшая графиня размышляла о женственности и ее ценности в семейных отношениях, невестка принялась «строить» ее сына. Жестко и в то же время завуалировано. Ни криков, ни упреков – на немытую тарелку положит записку «Миша, потри мне спинку», разбросанные вещи поднимет и... повесит на люстру. Смешно, но работает! Это раньше у Мишки куда рубашка упала, там она и висит, а со Светой все на своих местах, и чистюля она, аккуратистка: каплю со стола промокнет салфеткой, отпечаток пальца на стекле – сотрет, в комнате, в шкафах идеальный порядок!

Светка свекровь уважала. На людей у нее было чутье, и оно подсказывало, что Марго тетка хорошая, правильная. Многого чего в жизни повидала и даже кое-что скрывает... Значит, есть чему у нее поучиться. Это только дураки на своих ошибках, а она, Светка, лучше спросит совета старшей подруги. И не важно, рецепт ли борща или пропорции нашатыря для мытья стекол, в каждом разговоре есть и второе, и третье дно.

Ученица из Светки вышла выше всяких похвал – через полгода Маргарита относилась к жене сына как к собственной дочери, даже норы невестки она рассматривала как ступок побудительной солнечной энергии. Не ее выражение, Мишкино, но очень меткое и многое объясняющее.

Санчесы к Светкиному выбору отнеслись резко отрицательно и даже пытались воспрепятствовать подаче заявления в ЗАГС. Не тут-то было! Что может остановить активный солнечный протуберанец? В конце концов через некоторое время и родители невесты смирились с «возрастным» зятем – не худший, знаете ли, вариант: не пьянь, не голытьба какая, а доктор наук, спортсмен и действительно любит их девочку. Окончательно их сердце растаяло, когда Вишнев влетел в квартиру тестя с охапкой цветов и ошеломляющей новостью – у них со Светой будет малыш! Как же долго они этого ждали! Целый год! Даже к врачам обращались! Но сейчас все позади и осталось подождать совсем немного! Жаль только, будущая мама попала на сохранение, ну ничего – такое случается. Какие-то проблемы с обменом веществ – так они у всех беременных!

Шторм в зеленом море

Они вообще не должны были появиться, а родившись, имели право прожить не более двадцати четырех часов. Но две недоношенные, двадцатидевятинедельные близняшки уже третьи сутки цеплялись за жизнь сжатыми в кулачки пальчиками и вгрызались в нее беззубыми ротиками.

Заведующий неонатальным отделением Роман Ильич Турецкий не спал вторую ночь. Бессонницей он не страдал, но от произошедшего в отделении и сам не уснешь: у лежавшей на сохранении... безнадежно лежавшей на сохранении двадцатилетней пациентки с талассемией² открылось кровотечение, начали падать пульс, давление, пошли на снижение прочие показатели. Молодую мать даже не успели довести до операционного бокса, как она испустила дух, но два младенца женского пола путем кесарева сечения были извлечены из ее тела в жизнеспособном состоянии.

– Самое страшное, моя дорогая, что с вами может случиться, – говорил годом ранее профессор от гинекологии, и сидевший рядом с ним генетик согласно кивал, – это беременность. Мы все люди, конечно, рациональные, но в вашем случае организм как бы сам боится от преждевременной гибели. Этому нет научного подтверждения, но по логике вещей дела обстоят именно так. С вашей формой талассемии

² Талассемия – генетическое заболевание крови.

вы спокойно доживете до преклонных лет, но беременность станет для вас приговором. У вас не бесплодие, вы фертильны. Ваш организм просто не хочет уходить до срока.

– Другими словами, – в морских глазах визитерши, казалось, начал зарождаться шторм, – вы хотите мне сказать, что я могу забеременеть?

– Светлана Павловна, – вмешался генетик, – понимаете ли, в чем дело... талассемия **ГЕНЕТИЧЕСКОЕ** заболевание крови. Причины его до сих пор не выяснены. По-хорошему нам нужно обследовать всю вашу семью. Возможно, кто-то из родственников имеет схожую мутацию генов.

– Мои родители – сироты. Мама – блокадница. Отец – испанец, – произнесла Светка последние правдивые фразы, после чего дала волю фантазии: – Родители развелись, когда мне было пять лет. Папа вернулся на родину, мама с новым мужем живет в Усть-Орде и в Москву не поедет.

Почему Светка «поселила» маму в поселок Усть-Ордынский, в простонародье Усть-Орду? Ответ простой – она не знала, где та Орда расположена, но догадывалась, что добраться из нее в Москву чуть менее проблематично, чем в 1979 году из Испании в СССР. Расчет оказался верным.

– Да, действительно, все это очень далеко... – Специалист побарабанил пальцами по столу. – А случай интересный... Тем не менее продолжим: поскольку беременность, как вам известно, некоторым образом сопряжена с кровью, то она оказывает прямое негативное воздействие на плод. Он, как

правило, гибнет, не достигнув двадцати восьми недель, а если рождается, то совершенно нежизнеспособным. – Доктор вздохнул. – Но самое неприятное – во время беременности может погибнуть сама мать. Гемоглобин...

– Я все поняла, – перебила генетика Светка. – Спасибо. До свиданья! – И, мотнув черным конским хвостом, покинула кабинет.

– Ну? – с нетерпением спросила сидевшая за дверью све-кровь. Это по ее каналам Свету устроили в Институт на обследование. – Ну, что они сказали?

– Все нормально! Рожу!

Она знала, на что шла. Про болезнь до последнего никому не говорила. Родственные связи скрывала – к разведенным родителям прибавился бросивший ее муж. Тоже, на всякий случай, сирота. Чтобы ни у кого из сердобольных докторов не возникло желания взывать к его совести через родню и уговорить на прерывание беременности. Посещать себя в первое сохранение запретила – выдумала карантин.

Лежа в больнице, Светлана познакомилась с сестрой по несчастью – Вера также страдала легкой формой талассемии и уже в третий раз пыталась стать матерью. Сама Вера была эндокринологом, в недуге своем разбиралась и опытным путем вышла на препараты, которые позволят дотянуть до двадцати пяти недель, а там уж как Бог даст... Светка выучилась делать инъекции и колола себя, как наркоман, в шею, между пальцами и в живот – чтобы никто не заметил.

Спирт, вату и стерилизованные шприцы с иглками держала под ванной. С Верой созванивались каждый день, но однажды на звонок ответила совершенно незнакомая женщина. Светлана почему-то сразу поняла, что произошло... Она сходила на похороны подруги и начала повторно собираться на сохранение.

Только когда вторично укладывала свои вещи в больницу, будущая мать обмолвилась семье, и то вскользь, про некоторые проблемы с кровью. Кажется, с гемоглобином. Почти не соврала... Михаил спустился подогнуть поближе машину, и Света, уличив момент остаться наедине со свекровью, огорошила:

– Маргарита Андреевна, хочу с вами поделиться... – ровным, спокойным голосом сказала невестка. – Только никому не говорите. Откроюсь только вам – все, что может произойти, – целиком и полностью на моей совести. Я никого не хотела расстраивать, но существует опасность... Поэтому очень вас прошу... как только мать может просить мать... Я дам ваш телефон и скажу, что вы моя мама. Когда встанет вопрос, чью жизнь спасать, – скажите врачам, чтобы спасали детей. Они живы. – Она взяла руку свекрови и положила на свой живот. – Чувствуете? Они живы и пусть живут дальше.

– Каких детей, девочка?! – вскрикнула побелевшая мать мужа.

– Их двое, Маргарита Андреевна! Это выяснилось три дня

назад. Я никому не говорила, и вы пока молчите. Сердца, представляете? Бились в унисон. Два сердца бились как одно... Прошу вас. Спасите их... Умоляю. Врачи будут бороться за мою жизнь, а мне нужно, чтобы выжили они.

Маргарите не пришлось никого ни о чем просить – невестка сама все решила, а Роману Ильичу Турецкому предстояло разбираться с двумя младенцами женского пола, появившимися на свет в срок тридцать недель десятого мая одна тысяча девятьсот восьмидесятого года.

В дверь постучали.

– Можно?

– Да, да, входите, спасибо, что приехали, Маргарита Андреевна. – Доктор направился к посетительнице. – Понимаю, очень понимаю, как вам сейчас тяжело. Примите мои искренние соболезнования – у меня самого невестка десять лет назад при родах умерла. Так что я вас понимаю, как никто другой. – Неонатолог пододвинул заплаканной женщине стул. – Но ведь нам с вами нужно что-то решать. Воды?

Покачав головой, женщина всхлипнула и села.

– Вы осознаете, что это чудо?! На моей практике это второй случай, когда у матери с талассемией рождается живой ребенок и живет уже вторые сутки. А этих двое! – Доктор вернулся на свое место. – И эти двое очень хотят жить, – тихо, почти шепотом произнес он, не отводя от Маргариты глаз. – Вы понимаете меня? Они очень хотят жить, и им нужно помочь. Помогите же им.

– Как? – вытирая слезы, вопрошала немолодая женщина. – Как я им могу помочь, доктор? Скажите, я все сделаю...

С ответом врач взял паузу. Он походил на состарившегося доктора Айболита: в очках, с остренькой бородкой и очень добрыми глазами.

– Не все в этом мире можно объяснить формулами и зеленкой прижечь... – аккуратно подбирая слова, начал Роман Ильич. – Имена девочкам нужны. Имена ведь даются не просто так. Назовите их, пожалуйста.

– Как? – всхлипывала будущая бабушка. – Как лучше назвать? Посоветуйте.

– Как их хотела назвать мать?

– Не знаю... они ждали мальчика... говорили что-то про Виктора Гюго, а тут двое детей... и обе девочки.

– Виктор, значит... – Айболит снял докторскую шапочку, протер лысину и снова водрузил на место головной убор. – Победитель, другими словами... ну что ж, пусть будут Победительницы... Виктория и Ника. Воля матери – закон. Особенно последняя воля... Когда ее похороны?

– Сегодня. В три часа. На Троекуровом кладбище.

Доктор вздохнул, опустил глаза – вот они, дети, как порой даются... Покачал головой, потом взглянул на часы и произнес:

– Езжайте, вы успеете. А мы тут уже сами... Все-таки последняя воля матери... Если переживут четвертые сутки, значит, будут жить. Жду вас завтра в это же время. Конечно,

по вашему состоянию... – И, пожав на прощание посетительнице руку, направился в реанимацию, где в новеньких, не так давно установленных кювезах, все утыканные трубочками, лежали две пока еще не названные, но уже Победительницы.

Какое-то время Роман Ильич молча смотрел на девочек. Он вообще любил смотреть на новорожденных. Есть в них что-то такое... что уже безвозвратно исчезает через несколько дней... Божественное, что ли... а эти полуторакилограммовые пигалицы просто диалог со Всевышним... Надо договариваться. Пройдя все необходимые дезинфекционные процедуры, он открыл первый кювез и смоченным в зеленке тампоном прямо на ножке первого ребенка вывел «Виктория», затем открыл второй и написал «Ника». Этому доктору показалось недостаточным. Он взял два листа, еще раз написал имена девочек и закрепил бумажки пластырем на стеклах инкубаторов. Вот теперь все. Теперь можно часик вздремнуть. Турецкому предстояла очередная бессонная ночь.

Синдром сиротства

Врачи, особенно генетики, налетели как коршуны. От недоношенных близняшек ожидали ДЦП, умственной отсталости, трудновыговариваемых синдромов и прочих хромосомных отклонений. К четвертому месяцу вынужденного *родительства* доктора Санчесам уже порядком надоели, и Александра Ивановна с Павлом Степановичем решили послать их куда подальше. Уж как будет – так и будет. Однако не успело внушкам исполниться полгода, как супруги Санчес снова принимали у себя генетиков. Теперь в компании с окулистами: сквозь младенческую синеву радужки у девочек пробился фиолетовый пигмент! Генетическая мутация – фиалковые глаза! Не благодаря ли этой мутации они сейчас живы?

Несмотря на предложенные эскулапами варианты, Вика с Никой развивались как обыкновенные близнецы. Может, чуть и отставали в самом начале, но в пределах нормы. Встали на ножки в десять месяцев, около годика пошли, конечно, в разные стороны, до двух лет общались на своем языке, вместо «я» говорили «мы» и проявляли все признаки, присущие близнецам.

– Мы не будем кашу! – говорила Вика, и уплетающая манку Ника тотчас откладывала ложку.

– Бабушка, а когда мы вырастем и выйдем замуж, у нас

будет один муж или двое? – задавала вопрос Ника.

– Мы не понимаем, – размышляла Ника, крутя в руках трусики в ромашку, – дырок три, а ноги две. Куда нам ножки сувать?

– Туда, куда голова не пролезет, – отвечала Вика, уже примеряя отверстия к голове.

Дорвавшись до близняшек психологов больше всего интересовал феномен невербального общения сестер Вишневых: они строили друг другу гримасы и активно использовали пантомиму, самую занимательную из которых специалисты нарекли «слон и заяц». Первая девочка прикладывала растопыренные ладони к ушам и высовывала язык (слон), а вторая через мгновение устанавливала сомкнутые кисти над макушкой, выставив одновременно над нижней губой два зуба (заяц). В зависимости от ситуации это могло означать следующее: подтверждать общее минорное состояние (*нам скучно, нам неинтересно*), призыв перейти в мажорный ряд (*не грусти! улыбнись!*), предложение помириться после затянувшейся ссоры и выражение взаимного несогласия:

– Плевать я хотела на твое мнение!

– А я на твое!

Еще Вишенки ужасно дрались, но стоило девчонок развести в разные комнаты, поднимали рев – требовали вернуть к сестре. При встрече бежали друг к другу и обнимались. Простые, нормальные дети. Только глаза фиолетовые.

По выходным навещать внучек приходила Маргарита Ан-

древна. Она сильно сдала. Мало того что потеряла любимую невестку, так еще и сына лишилась...

На похороны Михаил появиться не смог – пил дней пять, не приходя в сознание. Затем еще с неделю валялся на диване лицом к стене. Судьбой лежащих в инкубаторах дочерей не интересовался, а их имена, кажется, даже не расслышал. Вернувшись в один из дней от доктора Турецкого, Маргарита учуяла запах гари. Влетев на кухню, обнаружила сына, рвущего в клочья фотографии и сжигающего их на костре, устроенном в раковине. На щеках полыхал румянец, глаза горели, руки тряслись. Налицо все признаки помешательства.

– Пришла?! – зловещим, ничего хорошего не обещающим голосом обратился Вишневу к матери. – А ведь это ты! Ты во всем виновата! По врачам ее таскала! Если бы не ты и не они, – он почему-то тыкал пальцем в небо, хотя дочери, в отличие от жены, находились на земле, – Света была бы жива! Светка моя была бы жива!!!

– Что ты... – растерялась Маргарита Андреевна, – что ты такое говоришь?

– Молчи! Ты мне больше не мать! Ты хотела внуков! А про них я и слышать не хочу! Вы душу из меня вынули и убили!

Тем же вечером Михаил собрал вещи и куда-то уехал. А еще через два дня в дверь позвонила та самая Лариса, которая не хотела пить за Эйнштейна.

– Михаил просил передать, что с ним все нормально. Он

уехал на машине в Прибалтику. Куда – не сказал. Просил не искать и не беспокоить. – Лара сделала паузу перед самым сложным предложением. – От детей он отказывается. Претензий по имуществу не имеет. Вот письменное подтверждение. – И, смущаясь, протянула конверт.

Малютки рослимышленными, любознательными и задавали много вопросов. Про маму им говорили, что она улетела на небо, во-о-он на ту тучку. Смотрит на своих девочек и улыбается. Как здесь, на фотографии. С папой дела обстояли сложнее. Его «направили» в длительную командировку, откуда он неожиданно «вернулся» летом восемьдесят четвертого года. Тогда на дачу в Долгопрудном пожаловали люди в серых пиджаках и сообщили Маргарите Андреевне, что ее сын, Михаил Нилович Вишневецкий, участвуя в международной парусной регате, стартовавшей из Таллина, дошел до финиша в Финляндии, где попросил политического убежища. Тем же вечером бабушку Риту увезли в больницу, откуда она уже не вернулась.

Дед внучек боготворил. Очень любил и жалел. «Сиротиночки вы мои дорогие, – обращался он порой к куколкам, – ну ладно я, а вам-то за что?» Что такое расти без родительского тепла, Павел Степанович Санчес знал очень хорошо: в тридцать седьмом году его, годовалого карапуза, привезли в СССР вместе с другими детьми из охваченной гражданской войной Испании. Всех детей распределили в специальные детские дома, и только Павла, тогда еще просто

«малыша», отправили в дом малютки. Ему единственному из той «партии испанцев» к моменту прибытия в порт Одессы не исполнилось и двух лет. Как и большинству попадающих в детский дом маленьких сирот, «малышу» могли дать любое имя и фамилию, но его мать, скорее всего, предвидела подобное и подстраховалась: повесила сыну на шею что-то типа солдатского жетона. На недорогой латунной цепочке на уровне пупочка висел латунный же медальон. От жетона его отличало лишь наличие какого-то растительного рисунка на аверсе (мать, скорее всего, выбрала заготовку для дешевых кулонов). На реверсе гравировка: Pablo Esteban Enrique Maria Sanchez d'Astroga, 18.02.1936. Так его и записали: Павел Степанович Санчес. Энрике, Мария и д'Астрога остались не у дел.

И все-таки Паша был счастливчиком – в отличие от таких же, как и он, маленьких сирот он точно знал дату своего рождения и имя отца. Но самое главное – папа и мама всегда были с ним рядом. Лежали теплой пластинкой рядом с сердцем. Мать, мудрая и дальновидная женщина, сделала верный выбор в пользу дешевого металла. Кому придет в голову покуситься на латунь? Но желающие находились – Пашке завидовали. Что делать? Сиротство – оно не красит. И любой, даже ничтожный намек на имеющуюся связь с родителями больно жалил тех, у кого все нити оборваны. Для Пашки этот жетон стоил дороже золота. Он никогда его не снимал. Если мылся, то клал медальон в рот, не снимая цепочки с шеи,

а в драках все латунное сокровище находилось за плотно сомкнутыми зубами. Если в компании выходил спор, то вместо предлагаемого жетона Санчес всегда выставлял свою пайку хлеба. Порой за несколько дней. Он лучше будет голодать....

Первое серьезное разочарование и одновременно обретение пришло к Павлу уже в военном училище: выяснилось, что он не Степанович, а Энрикиевич – жена майора оказалась тоже из испанских детей. Дульсинея Крус, подомашнему Дуняшка, рассказала соплеменнику, что в испанской культуре собственное имя ребенка не обязательно одно, но в имя собственное всегда входят имена отца и матери. То же самое и с фамилиями. Таким образом, выходило, что курсанта Санчеса на самом деле зовут Павел Степан Мария Энрикиевич Санчес д'Астрога, где Мария д'Астрога – мама в девичестве, а Энрике Санчес – папа. Так контуры родителей стали еще четче, а отчество Павел менять не стал – уже привык.

В училище заметили математические способности испанца и направили учиться в Москву, где случилось еще одно обретение: Александра Архарова. Тоже сирота – блокадница. Познакомились, как это обычно происходило в те времена, на танцах. Пашку, несмотря на детдомовское воспитание, всегда отличало некое благородство и подчеркнутая галантность. Того и гляди снимет шляпу да руку в перчатке положит на эфес, перед тем как обратиться к собеседнику. И это при том, что ни шляп, ни перчаток, ни тем более эфеса слу-

шателям военного училища в двадцатом веке уже не полагалось. Руководитель художественной самодеятельности даже шутил по этому поводу: «Чтобы сыграть графа, Санчесу ничего делать не требуется – достаточно просто выйти на сцену». Поэтому, когда встал вопрос, кого отрядить на фабрику пригласить молодых швей на вечер танцев, никаких иных кандидатур, кроме Павла, не рассматривалось.

На маленькую, всего метр пятьдесят два, Шурку гренадер Санчес в тот день не обратил внимания, зато она смотрела на жгучего парня в форме во все глаза – не верилось, что такие красавцы ходят по земле, а не только в кино. В назначенный для танцев день тихая и робкая Шурочка Архарова набралась храбрости, подошла, запрокинула голову и пригласила Павла на белый танец. Фабричные девчонки прыснули в кулаки, но смех их длился недолго – через неделю смуглый старлей³, ободрав всю сирень у ворот проходной, повел крошечную Шурку в ЗАГС. Две одиноких души встретились и больше никогда не расставались.

Сначала Паша с Шуриком (с первых дней знакомства он называл ее смешным мальчишеским именем) жили в общежитии, а когда у молодых Санчес родилась дочь, им выделили двухкомнатную квартиру. Только обустроившись в собственном жилье, Павел позволил себе снять с шеи жетон и положить его в укромное место. Время от времени он выдвигал заветный ящик, доставал уже потемневшую латунь

³ Старлей – старший лейтенант.

и просто держал в руках. Он молча рассказывал родителям о своих радостях и поражениях, просил советов и благословений. Например, когда шел на операцию по удалению камней, с разрешения врачей надел кулон. Всякое бывает... чтобы в случае чего мама с папой были уже рядом... И когда хоронил единственную дочь, сжимал жетон в обеих руках, пришептывая: «Мамочка, дорогая, папочка, дорогой, примите, пожалуйста, доченьку мою, позаботьтесь о ней, прошу вас!» И о внучках тоже молил: «Ни о чем ином не прошу, пусть выкарабкаются. Кривые, косые, хромые, но путь выживут». И либо Мария с Энрике замолвили наверху словечко, либо Светкина неистовая воля была всем силам добра и зла царственным указом, но совершенно замечательные Вика с Никой росли здоровыми, счастливыми девочками, совершенно не ощущая себя сиротами. Где сиротство? Иные дети из полных семей о такой заботе не мечтают! Только малышей выписали из больницы – бабушка уволилась с работы и села с внучками. Близняшкам пришла пора идти в детский сад – Александра Ивановна устроилась в садик нянечкой. За год до поступления в школу Павел Степанович подал в отставку с должности преподавателя математики Суворовского училища и устроился учителем того же предмета в ближайшую школу. Вика с Никой снова находились «в семье». И мама всегда улыбалась с фотографии. И бабушка Рита тоже не отставала – на ее прекрасной даче близняшки дышали свежим воздухом и кушали выращенные дедом

«экологические» продукты. А еще невидимым пологом, сотканным из любви и ласки, их окутывают неведомые Энрике Санчес и Мария Санчес д'Астрога.

Пандан⁴

Если Александра Ивановна старалась держать внучек в узде, ограничивая их потребности (Вику с большим успехом, чем Нику), то Павел Степанович баловал девчонок как только мог, невзирая на педагогику. Денег в семье не хватало, а он взял да купил целых два велосипеда и с радостью смотрел, как Вика с Никой гоняют по даче с утра до ночи. У самого-то велосипеда никогда не было (даже кататься на нем не умел), зато внучкам угодил. Когда сестры заинтересовались автомобилем, взялся учить на собственном стареньком «жигуленке», получив пару царапин и несколько вмятин. И электронные часы в красивых пластиковых корпусах ухитрился достать (тогда все «доставали»), и серьги на пятнадцать лет на свою голову внучкам через знакомых у ювелира заказал...

– Ты совсем, Пашка, уже с ума сошел! – причитала Александра Ивановна, разглядывая две пары женских золотых серег. – Я уже смирилась с тем, что ты постоянно потекаешь их прихотям, но мы же договорились! Договорились, что ты со мной будешь советоваться, прежде чем покупать девочкам подарки.

– А что не так? – буркнул недовольный Донкихот. Он занял денег на подарок, а теперь выходит – зря, промахнулся.

⁴ Пандан – предмет, парный с другим.

– Да все! – фыркнула супруга. – Это ж надо! Додуматься купить девчонкам на пятнадцать лет серьги из александрита! Это камень одиночества! Ты что, хочешь, чтобы они всю жизнь в девках проходили?

– Да будет тебе, Шурик, – насупился Павел. – Какое одиночество? Такие красавицы. К тому же камень очень хорошо под их глаза подходит. Так же цвета меняет...

После тринадцати глаза близняшек начали немного меняться. В зависимости от освещения они становились либо сине-серыми, либо густо-фиалковыми. «Происхождение Александрии» и александритовые глаза.

Про одиночество Александра Ивановна упомянула не из-за суеверий и предрассудков. На то у нее имелись основания. Про крылатую богиню Нику знали все – такой Ника Вишнева по сути и являлась. Легкая, ветреная, увлекающаяся и, по мнению большинства педагогов, чрезвычайно легкомысленная. Постоянно влюблялась, путалась в поклонниках, вместо учебы лазила по чердакам в поисках старья, что можно выгодно продать скупщикам на Арбате, или, наоборот, спускалась с диггерами под землю. Вот занятие у ребенка! Правда, к языкам имела склонность – с удовольствием занималась английским и даже имела виды на японский. Порывистостью и увлеченностью Ника сильно напоминала мать – ту тоже в свое время с чердаков снимали.

В пантеоне известных языческих богов про богиню Викторию не сказано ни слова, и Никина сестра, находясь в тени,

тянула учебную лямку за двоих. В школе на них уже махнули рукой – пусть только доучатся, и сама Вика не роптала. А чего роптать? Все по справедливости – она за Нику делает все уроки, кроме английского, а Ника за нее бегает на свидания. Да, Виктория Вишнева, как в свое время Светлана Санчес, ждала своего принца, но в отличие от матери кроме математики ее мало что интересовало. Таким удивительным образом, посредством разделения собственного характера, Света ежесекундно присутствовала в обеих своих дочерях.

Они редко называли друг друга по именам, предпочитая одно на двоих – Вишня. Но, как бы парадоксально это ни звучало, они и являлись одной большой Вишней. То, чего не хватало в Нике, с избытком присутствовало в Вике, и наоборот. Как бы понимая необходимость выдерживания равновесия бытия, сестры заполняли те лакуны в жизни друг друга, которые пустовали.

– Вишня, я тебе тут с одним симпатичным парнем познакомилась, – сообщала Ника на остатках близнячьего диалекта. – Сходить на свидание?

– Как зовут? Я его видела?

– Сашей. Из соседней школы. Смазливый такой. Боксом занимается.

– Не-е, – брезгливо потягивала Вика, – у боксеров все мозги отбиты. Не пойду.

– Ладно, не пойду, – повторяла Ника.

Одним им известным образом сестры Вишневы дотянули

до выпускного одиннадцатого класса. Вика без проблем поступила на физмат МГУ, а Нику она *поступила* в педагогический. Единственное, чего не смогла сделать вместо сестры, – это появиться в Институт Склифосовского на аборт.

На втором курсе университета Вика неожиданно сообщила, что собирается замуж за однокурсника Сережу Грушку и возьмет его фамилию. Ника не на шутку обиделась и за день до свадьбы просто нарывалась на скандал:

– А мне что теперь прикажешь делать? Искать Персикадзе с Арбузяном?

– Есть еще Абрикосов и Виноградов.

– Да, да! – злилась Ника. – А еще Сливняк! Вот за него в пандан твоей фамилии я и выйду!

– Какие слова-то мы, оказывается, знаем! – не без ехидства отвечала будущая Виктория Грушка.

За Диму Сливняка Ника выходить замуж не стала – на четвертом курсе Вика так же тихо развелась с Грушкой и вернулась в Вишневу. Ника еще поерепенилась какое-то время (три гражданских брака), но к двадцати трем годам обе девушки с александритовыми серьгами в ушах пришли с убеждением, что рано им еще связывать себя супружескими узами.

Парадигмы физики

После университета Вику пригласили в Институт теории прогноза землетрясений и математической геофизики. Институт получил грант, и руководитель отдела Борис Трофимович Вишнев искал себе в команду хорошего математика на маленькую зарплату. Какие могут быть зарплаты в НИИ? Даже пусть и с грантами? Взять однофамилицу, молоденькую выпускницу Викторию Михайловну Вишневу, ему посоветовал знакомый профессор Станислав Говорко:

– Я знал ее отца, Мишку Вишнева. Когда-то мы с Михой считались друзьями неразлейвода. Стоумовый парень был. Гений. Яхтсмен. И мать ее, Светлану, тоже хорошо помню. Красивая и очень способная. Некоторое время я у нее даже преподавал.

– Знаешь, я время от времени слышу свою фамилию в том же самом контексте, что и ты мне сейчас преподносишь: был, гений, увы... Меня еще спрашивают, не родственник ли. А что с тем Вишневым стало? – поинтересовался Борис, пролистывая папку с подобранными работами Вики.

– Увы, сошел с ума! – Станислав ослабил узел галстука.

– Ну вот снова! И ты мне предлагаешь взять на работу дочь сумасшедшего? – Вишнев отложил папку в сторону. – Замечательная перспективка!

– Да подожди ты, Борис. – Стас обернулся на стуле и достал из кармана висящего на спинке пиджака пачку сигарет. – Виктория тот самый случай, когда на детях природа не отдыхает. Возьми Вишневу – не пожалеешь! Тут важно понимать, что собой представляли ее родители.

Бывший Мишкин друг сделал затяжку, выпустил дым, а вместе с ним, дал волю не оставляющим его воспоминаниям. Столько лет прошло, а кажется – только вчера... – Разница в возрасте у них составляла около двадцати лет, но годы не ощущались. Они, как бы это странно ни звучало, дополняли друг друга. И это при том, что были совершенно разными. Мишка, у него же мать из бывших графинь, рафинированный интеллигент. Культурный, дипломатичный, обходительный. Ах – простите – извините – не – будете – ли – столь – любезны. А Светка, даром что наполовину испанка, резкая, порывистая, на грани бестактности, но не бестактная, а... – Профессор щелкал пальцами, подбирая слова. – Я только сейчас понял, что не зря ее Светланой звали. Светлая она была, понимаешь? Как будто в ее программе одновременно были прописаны и Кодекс чести, и личная логика – к каким берегам плыть, каких целей достигать. Любое отклонение от внутреннего устройства вызывало резкую реакцию. Виктория, кстати, такая же. Чуть, может, мягче, но начинка в ней Светкина, а мозги Мишкины...

Трофимович в сомнении нахмурился и скривил рот.

– Даже не думай, – считал его мысли собеседник, – ника-

ких проблем она тебе не доставит. Даже наоборот. Впряжется как лошадь и все вытянет. Никогда не будет интриговать за твоей спиной. Сразу все в лицо выскажет. В меру амбициозная. Но это скорее плюс. В науке без амбиций нельзя – сам знаешь.

– Так с чего в итоге Михаил с ума сошел? – Борис вздохнул и снова пододвинул папку к себе.

– Они ребенка очень хотели, – продолжил Говорко, – а Светлана так просто бредила материнством – с детьми чужими играла, на руки всегда просила дать подержать... Помню, на их свадьбе деньги собирать начали, ну там на мальчика, на девочку – на кого больше соберут, тот первый и родится. Она все взяла, смешала и говорит: «Детей в семье должно быть много! У нас их будет минимум штуки три! Представляете, заходите вы к нам в гости лет через десять, а вокруг тифельки, ботиночки, сандалики мал мала меньше». Только не вышло. Умерла она при родах, а Мишка рассудком поехал. Обвинил во всем мать, меня, друзей...

– А вы-то тут при чем? – Борис уже не смотрел на папку, его увлекла история.

– Знаешь, чего нельзя сделать с шизофреником? – вопросом на вопрос ответил Стас. – Его нельзя переспорить. Он до тошноты логичен! А у Мишки логика вообще конек! На спор доказывал, что белое – это черное, а черное – белое. Вот он под всех нас скопом и каждого в отдельности базу подвел: выяснилось, что Светлане вообще рожать нельзя бы-

ло. Какое-то наследственное заболевание. Только оно поздно обнаружилось. Но Вишнев все перекрутил и заявил, что мы во всем виноваты: на детей настраивали, малышей специально подсовывали... Она какое-то время не могла забеременеть, а Мишка преподнес это как ее нежелание. И то, что мы находили врачей и специалистов, поставил нам в вину. Мол, чуть ли не заставили, на край могилы толкнули. Но самое ужасное – он не признал дочерей. Девочек-близняшек. Они тоже по Мишкиной версии оказались виноватыми... Можно сказать, самыми главными.

– Не может быть! Родных дочерей не признавать!

– Как видишь, может. – Профессор вздохнул. – Бросил в итоге Вишнев Институт, разругался с матерью (ей, бедолаге, вообще ни за что досталось), на детей даже не взглянул и уехал куда-то в Прибалтику, откуда на яхте сбежал в Финляндию. И больше я про него не слышал.

– А ты с Викторией на тему родителей не говорил? – Будущий Викин начальник потянулся за сигаретой.

– Да что же я? Садист, что ли, девочку такими вопросами мучить? Это же на всю жизнь травма!

«А уж мне-то какая травма, – подумал Стас, – и друга лишился, и жены. Сама призналась, когда вытаскивали из петли, что любовниками в свое время были. Психозы у Ларки начались еще когда Мишка женился на своей Санчес, а как уехал и не оставил адреса – вешаться собралась... Отнесла Михино письмо Маргарите да в хозяйственный за верев-

кой... И жизнь мне с тех пор с ней не жизнь, и бросить больного человека не могу. Эх, Вишневу-Черешневу, наколот же ты дров!»

– Что ты говоришь? – переспросил Бориса отвлекшийся на неприятные думы Говорко.

– Говорю, что согласен – травма на всю жизнь, – задумчиво произнес Трофимович и закусил лежащий на столе Parker.

– Поэтому, – профессор протянул руку и вытащил изо рта оппонента свою ручку (подарок дочери), – я даже виду не подаю, что знаю про всю ее семью, включая сестру-близняшку.

Вишня предложение интересной работы с маленькой зарплатой приняла: тема исследования оказалась весьма захватывающей – грех отказываться.

Еще дед Санчес говорил им с сестрой: «Девочки, как бы жизнь ни повернулась, не разменивайтесь на сиюминутные выгоды. Постарайтесь заниматься любимым делом. Придет время, и оно принесет свои плоды». Сестры внимательно выслушали дела и согласились. Каждая по-своему.

Про Нику отдельный разговор, а Вика любила возиться с цифрами – такие миры открывались, что и книг не надо, но она их все равно читала – расширяла горизонты. Санчесы никогда богато не жили, и девчонки привыкли зарабатывать на жизнь с малолетства. У Ники случались разовые заработки, а Вика репетиторствовала, как дед, или писала курсовые нерадивым студентам. Это, как ни странно, позволяло заниматься любимыми делами, которые материальных

плодов пока не приносили, но щедро одаривали духовными. Может, именно их имел в виду Донкихот?

– Вы тоже родом из Прибалтики? – первым делом осведомилась у Бориса Трофимовича однофамилица с одним синим, а вторым фиолетовым глазом.

– Нет, – оторопело ответил будущий Викин шеф – уж чего он только не видел. Но такого! – Я из деревни Вишнево Самарской, как сейчас принято говорить, губернии. Барин в тех краях, еще задолго до революции, роскошный вишневый сад разбил – со всего мира саженцев навез. Внучки тех вишен до сих пор цветут и плодоносят. Говорят, с тех времен все, кто живет в деревне, – Вишневые. А, прошу прощения за мою бестактность, что у вас с глазами?

Вместо ответа Виктория направила луч лампы дневного света себе прямо в лицо, и оба глаза сравнялись в фиалковом великолепии.

– Невероятно! – только и мог произнести руководитель. – Прямо плеохроизм⁵ какой-то!

– Именно так. И называется эта генная мутация почти так же, как камень, что меняет свой цвет.

Бориса Трофимовича так и побрасывало спросить однофамилицу, такие ли плеохроичные глаза у ее сестры-близняшки, но каждый раз одергивал себя. Что же он – садист, что ли?

⁵ Плеохроизм – способность кристаллов обнаруживать различную окраску при прохождении через них света.

Педагогический Ника заканчивать не собиралась. Она вообще выказала полную неспособность к систематизму и структурности. Вставать каждый день в одно и то же время? Делать одно и то же? Носить определенную одежду? Нет, увольте! Во избежание грядущего скандала с обоими Санчесами сестра Вики съехала на квартиру Маргариты Андреевны, что числилась за близняшками. Оттуда по предварительному звонку девушка наезжала навесить свою Вишню и получить взбучку от стариков, а и было ей за что.

Если опустить бурную личную жизнь, то начать следует с внешнего вида. А внешний вид у Ники – это в первую очередь обувь. Бывший одноклассник, вечный поклонник и постоянный приятель обеих сестер Юрка Бобров почти все детство провел у деда в мастерских Большого театра, где тот изготавливал и ремонтировал пуанты, а также прочую сценическую обувь. Юрка пошел дальше – его вообще начало интересовать то, что человек надевает себе на ноги: тапки, шлепки, каблуки, сандалии, валенки, лапти... После девятого класса Бобров ушел в художественно-ремесленное училище, и там его душа развернулась: имея под рукой все необходимое, от шила до кожи, Юрка начал эксперименты. Главным ценителем его таланта стала Ника Вишнева – таких необычных туфелек, странных ботинок, расшитых сапог не было ни у кого. Что-то Юрка придумывал сам, а что-то реконструировал исходя из картин, чертежей, музейных экспонатов. Кое-какие идеи ему подкидывала сама муза с фиоле-

товыми глазами. Например, тупоносые боты с пяткой вместо мыска... Однако обувью диверсантов фантазия Ники Вишневой не ограничивалась.

Каких только опытов над своей красотой Вишня не ставила. Пробивала губы, язык и нос, обзаводилась дредами, красила волосы в невероятные цвета, брилась наголо (было и такое), становилась радикальной брюнеткой с белым припудренным лицом и черными губами. Тут волей-неволей забудешь, что у девушки на ногах... Павла Степановича с Александрой Ивановной радовало одно – все до единой причуды Нике быстро приедались. Консервативная Вика, не расстающаяся с конским хвостом, какие-то решения поддерживала (кстати, бритый череп Нике шел), что-то отвергала, но всегда с интересом ждала нового образа. Как будто сама его проживала. Однажды Ника предстала пред очи родне с волосами цвета фуксии, собранными в высокий пучок, подбритыми затылком, висками и даже лбом. В одном ухе болталась серьга из окрашенного в кобальт длинного пера. Все это вкупе с фиолетовыми глазами произвело на деда неизгладимое впечатление, и более чем сдержанный в высказываниях Донкихот, не совладав с собой, выпалил:

– Мне бы в жопу три пера – я бы птицею была!

Странные, по мнению Санчесов, образы являлись не чем иным, как следствием текущих интересов девушки. Чем только она не занималась, куда только не залетала крылатая Ника в поисках себя и всего остального: библиотеку Ивана

Грозного с диггерами искала; в экспедициях по определению расположения алмазных трубок в Подмосковье участие принимала; в сообществе *преодолевателей* сил гравитации путем изучения какой-то левитационной поляны в Новосибирске состояла; сокровища тамплиеров в Калининграде обнаружить пыталась; в инициативные группы по спасению памятников архитектуры входила, на фермы по выращиванию осетров въезжала и так далее и тому подобное...

Иногда, увы, Нике приходилось «вставать в стойло» и идти работать. До сокровищ тамплиеров как до Луны на велосипеде, а жить на что-то надо. Разовый заработок на то и разовый, что не знаешь, когда следующий. Из-за цвета глаз и хорошего английского ее с удовольствием принимали продавцом в ювелирных или антикварных салонах, а также официанткой в клубы и экзотические рестораны. Больше полугодом на одном месте Вишня не держалась – очередная *idée fixe*⁶ становилась смыслом ее существования и уносила на другой конец географии.

Увлекаясь, она полностью погружалась в тему, и хромавший в школе материал тому не помеха – Ника быстро наверстывала недоученные дисциплины (так же быстро их и забывала). Во время «прихода» говорила только о предмете своего вождения с фанатичным блеском в глазах и придыханием.

– Нет, Вишня, в этот раз все по-научному, – начала как-то

⁶ Навязчивая идея.

с порога Ника, вернувшись из Геленджика, где с группой энтузиастов исследовала дольмены. – Ты, как дама высоконаучная и сотрудник *трясоземленного* института, вряд ли станешь спорить, что геометрическая парадигма физики может объяснить телепортацию.

– Спорить не буду, – отвечала сестра, с интересом разглядывая очередное бобровское творение, стягиваемое Вишней с ноги. – Потому что ничего про это не знаю.

– Как? – Ника поправила ленточку на лбу. Ее нынешний образ: распущенные, перехваченные лентой русые волосы, длинная, в пол, крестьянская юбка, льняная рубаха, множество бус и кожаных ремешков – воспринимался родственниками вполне дружелюбно. – Дольмены расположены в уникальных энергетических полях, где тело превращается в сигнал и переносится в любую точку Вселенной!

– Встретишь зелененьких человечков – передай привет, – пошутила Вика.

– Тьфу на тебя, дурочка! Я же серьезно. С нами ездил совершенно потрясающий персонаж!

Так вот о персонажах, коих в Никиной жизни имелось превеликое множество. То ли характер, то ли «род деятельности» тому причиной, но «обыкновенные» люди в окружении Вишни не впечатляли. Кого можно удивить участковым, стоматологом, механиком, депутатом, политиком, да даже артистом? Такие знакомства, кстати, у Ники водились – зубы у нее иногда болели, и старенькая машинка требовала

ремонта. Другое дело химик, специалист по англо-саксонским рунам. Или водитель такси, с которым можно поговорить на латыни. Православный батюшка, увлекающийся динамикой грунтов, программист, помешанный на тайных обществах, археологи, диггеры, краеведы, историки, реставраторы, гляциологи, вулканологи, водолаз пожарной службы... Ах, какой у нее был роман с водолазом пожарной службы! Все тянулись к Нике.

Вишня удивительно быстро и легко сходилась с людьми. Еще более загадочным образом девушка умудрялась поддерживать отношения сквозь время и расстояние. Не иначе без дольменов тут дело не обошлось.

– Из тебя, – шутила Вика, – вышла бы первоклассная воровка на доверии!

– Не, – отмахивалась Ника, – это скучно. Все одно и то же, по заранее оговоренному сценарию. Я люблю непредсказуемость и импровизацию.

Действительно, кто мог предсказать, что после путешествий по Вселенной Вишню потянет на банальном парусе в обыкновенное море. Но снова вмешается импровизация...

Dolce vita e cosa via⁷

Олег Епифанцев вырос на море и всегда мечтал ходить под парусом. Каждый раз, когда «Спартак» открывал сезон, он с завистью смотрел на приезжающих молодых спортсменов. Эх, ему бы с ними... а тут, понимаешь, грядки эти, дача-кляча... Но мечту свою Олег Геннадьевич все же осуществил. Как только бизнес набрал обороты, плюнул на всех и купил подержанную Bavaria. Жена с младшими детьми от приобретения в восторг не пришли, зато старший, Денис, обрадовался, как щенок. Ура! У нас есть яхта! «Ла Луна» имела порт приписки итальянскую Геную, и перевозить ее не стали – все равно в окрестностях Лигурии Епифанцевы проводят значительную часть времени. Чего лишние деньги тратить?

Своих бывших подружек по даче, девочек с фиолетовыми глазами Вику и Нику, Дэн увидел выходящими из экскурсионного автобуса. Близняшки крайне редко надевали солнечные очки, и спутать их с кем-либо не представлялось возможным. Как, впрочем, и забыть....

Вообще русские туристические агентства обходят Геную стороной, а зря. И в самом городе, и в его окрестностях есть чего посмотреть. Узнав сестер, Епифанцев улыбнулся – когда-то он был влюблен в обеих. Такое может случиться, ес-

⁷ Сладкая жизнь и все такое (*ит.*).

ли пригласишь на свидание одну близняшку, а придет другая. Денис думал, что встречается с Викой, а Виктор оказалась Ника! Но это пол беды. Когда обман раскрылся, мальчик с ужасом понял, что Ника ему тоже нравится! С тех пор прошло столько лет, а они все такие же хорошенькие! Не знаешь, кого выбрать. А может? Эх, была не была!

– Вика! Ника! – крикнул молодой человек. – Это я, Епифанцев! Ваш приятель по даче! Узнали?

Экскурсию сразу же задвинули, как и всю туристическую поездку. Девушки взяли недорогой автобусный тур, с ночевками во время переезда. Не очень комфортно, зато чемоданы всегда с собой. Их Денис и перекинул в мгновение ока в багажник отцовской Audi, чтобы провезти друзей детства по тем местам замечательной Лигурии, о которых не каждый итальянец (если он, конечно, не лигуриец) имеет представление. На ночь компания остановилась в снимаемой Епифанцевыми вилле, но сна не было ни в одном глазу. К молодежи присоединились Епифанцевы-старшие: вспоминали дачу, соседей, шутки, проказы. Пили прекрасное вино и совершенно не хотели расставаться. На утро Дэн предложил:

– Девчонки, а не хотите пару дней провести на яхте? У меня корочка шкиперская есть – я вам такие места покажу! Нигде в мире больше такого не увидите.

Конечно, они согласились.

Яхта – звучит круто. И рассекающий лазурные глади белый парус выглядит впечатляюще. Реальность, как это обыч-

но и бывает, сильно разнится с фантазийными картинками. «Ла Луна» оказалась маленькой тридцатичетырехфутовой лодкой, довольно скромной изнутри и снаружи. Маленький кокпит⁸, небольшой салон, крошечные каюты – только разложить тело и упереться руками во встроенные шкафы. Явно не для шляп и соболей. В носовой каюте, которую облюбовала себе Вика, оказался низкий наклонный потолок, о который Вишня с непривычки сильно ударилась.

– Мне вот интересно, – морщилась девушка, потирая маковку, – как наш папаня на сём утлом челне *удранать* ухитрился?

– Вы, девчонки, меня, конечно, извините, – вмешался стоявший рядом Денис, – но моя мать, когда увидела «Ла Луну», задала точно такой же вопрос. Я вам больше скажу – в те времена лодки еще меньше были. Особенно советские.

Осведомленность постороннего человека их семейным эпикризом сестрам была не в новинку – и историю Мишки, и чем она в итоге завершилась в дачном кооперативе «Алый парус» знали все.

– Слушай, Дэн, – крикнула Ника, принимая с левого борта швартовочный конец⁹, – а мы таблетки от укачивания забыли купить!

– Не волнуйся! – Бывший дачный приятель бросил Вике

⁸ Кокпит – открытое помещение на палубе для рулевого и команды на яхтах, катерах.

⁹ Конец – на судах любая веревка, канат.

конец на правый борт и запрыгнул на лодку. – Вода стоит как суп в тарелке – не укачает! Во время перехода больше пей – и все будет нормально. А если совсем плохо станет – у отца в аптечке всегда таблетки есть.

Епифанцев стоял у штурвала, а девчонки лежали по бокам и загорали. Никакого укачивания! На столике стояла запотевшая бутылка белого вина, только что из холодильника. В розовых, с белыми прожилками холмах prosciutto¹⁰, устроенного на манер горной гряды, кристаллическими разломами искрился сыр Parmegano Padano. Рядом в соломенной корзинке небрежно валялись сердечки инжира. Завершал натюрморт янтарный виноград, комплиментирующий сутью и цветом бутылке вина. Со стороны это натурально вписывалось в ту самую dolce vita, если бы не одно НО: ни у Епифанцева, ни у Вишневых лишних денег не водилось. Отец держал Дениса в черном теле – вот научись зарабатывать, тогда и трать. Про Вишневых и говорить нечего. Рестораны они не тянули. Поэтому, чтобы не умереть за два дня с голоду, троица закупилась в дешевом супермаркете вином (два евро бутылка), макаронами (девятью центов пачка), томатным соусом и истекающими на днях по сроку годности сыром, ветчиной, йогуртами. Единственное, на чем экономить не стали, – так это на хлебе – гулять так гулять! Инжир с виноградом, стыдно признаться, вообще в горах надрали. Кофе, чай, пакетированные сливки и сахар у отца всегда име-

¹⁰ Вяленное особым образом мясо, нарезанное тончайшими полосками.

лись в наличии – хоть бакалею воровать не пришлось.

– А знаешь что, Вишня, – Ника сладко зевнула, – мы с тобой лохушки, которых свет не видывал!

– Это еще почему? – Вика сбросила с переносицы на нос редко надеваемые солнечные очки. – По-моему, все чудесно вышло.

– Да потому что мы легко могли уже раз сто выучиться на шкиперов и сами яхты водить! На даче от отца в шкафу куча книг по парусному спорту стоит! Как узлы вязать, как паруса ставить!

– Что, шкаф еще жив? – удивилась сестра. Она почти не навещала дачу. – И книги еще в топку не пошли?

– Представь себе, нет! – Ника потянулась за бутылкой, а Вика за виноградом – перекрестный пандан. – Теорию за зиму поднатаскаем, в «Спартак» ходим – и готово дело!

– Это у тебя готово, – ответила близняшка, пригубив вино, – а у меня уже три года с универа прошли. Материал интересный набрался. Вишнев на диссер намекает. Мне не до узлов.

– А вечно с тобой так. – Ника перевернулась на живот. – Ну ладно, выучусь, буду тебя катать. Чур, ты готовишь и моешь посуду.

– Договорились! За это и выпьем!

Вернувшись домой, Ника действительно рванула прямоком на дачу читать книги, но яхтсмена из нее в тот заход не вышло – помешала коричневая дерматиновая папка.

Egoists

Приходя на работу, Вика часто отключала мобильный – чтобы не беспокоили по мелочам. Поэтому в первую после окончания отпуска пятницу Ника звонила сестре на служебный.

– Вишня, привет, это я – Вишня, – заговорщическим тоном начала близняшка. – Ты дома сегодня во сколько собираешься быть?

– Вовремя, часов в семь. А что случилось?

– Приеду, расскажу, – загадочно произнесла Ника. – У тебя пожрать дома найдется?

– А тебя что, Санчесы сняли с довольствия?

– Да я уже второй день в Москве!

– Странно, я сегодня с дедом говорила – он мне ничего не сказал.

– А мы с ним поругались, – нехотя выдавила из себя Вишня, – я одну из его помидорных теплиц на ночь забыла закрыть. Ну... – сестра тяжело вздохнула, – все, кто в ней жил, медным тазом и накрылись. Блин, Вишня, было бы из-за чего! Там всего шесть кустов!

– Ладно, Вишня, приезжай. Отечественные сосиски, лигурийские макароны и паданский сыр тебя ждут. Могу с томатным соусом.

На своей старенькой красенькой Тарантаюшке (когда-то

она носила название Toyota) Ника прилетела к *трясоземленной* научной даме к шести в институт. Не удержалась, не дождалась семи вечера.

– Вишня, что я хочу тебе сейчас рассказать! – нажимая на педаль и давая задний ход, начала Ника.

– Может, мне в таком случае за руль сесть? – Вика напряженно смотрела, как камни в ушах сестры, дергаясь, переходя из фиолетового в серый, минуя синий, отражали состояние ее же глаз – крайнее возбуждение.

– Не, все нормально, – Ника выехала на свою полосу, – я уже в норме. В общем, дело серьезное. Ну ладно, давай все по порядку. – И Тарантаюшка влилась в автомобильный поток.

– Как ты думаешь, – голосом строгой классной дамы произнесла Вишня, – как была фамилия нашей бабушки Риты? Многообещающий заход...

– Ну, я так подозреваю, что Вишнева, – не без ехидства ответила Вика.

– Правильно, Вишенка. Садись, пять. – И переключила скорость с таким видом, будто от верного ответа сестры зависела работа коробки передач. – А до того, как стать Вишневой, какую фамилию носила наша бабушка?

Вика откинулась на подголовник. А действительно, какую? И кто этот Вишнева такой... Бабушка Рита ушла, когда они были совсем еще маленькими, а Шурик с Донкихом вряд ли чего знают.

– И как была ее фамилия? – задала вопрос «ученая дама», чувствуя подвох.

– Ма-ту-ля-ви-чу-те! – гордо по слогам отрапортовала сестра. – Матулявичуте была ее фамилия!

– Подожди, выходит, она литовка? – спросила сестру Вика и тотчас начала диалог сама с собой. – Тогда что она делала в Латвии? Хотя какая разница, где литовцу жить... Дед наш испанец, а из Москвы его дальше дачи не выкурить.

– Нет, – Ника перебила монолог близняшки, – наша бабушка была русская. Прохорова. Маргарита Андреева Прохорова, одна тысяча девятьсот семнадцатого года рождения. Место рождения – город Рига.

– Ничего не понимаю... а откуда тогда взялся Матулявичуте?

– Матулявичус, – поправила сестру Ника, – у литовцев женские и мужские фамилии отличаются. Скорее всего, отсюда, откуда и Вишнеф, – был ее мужем.

– Ну хорошо, – Вика «включила» анализ, – бабушка Рита имела по молодости невинное хобби – коллекционировать мужей. Я, кстати, до сих пор кактусы собираю. И что тебя в этом вопросе так возбуждает?

– Наш старый дачный шкаф, – многозначительно произнесла Ника и посмотрела на сестру в зеркало заднего вида.

– Так, – Вишня потеряла логическую нить, и это ей явно не нравилось, – а при чем здесь шкаф? Его что, собрали на фабрике Матулявичуса?

Хорошо, что на дороге горел красный свет и машины стояли, иначе Ника взрезалась бы от неожиданности в новенький Volvo.

– А ты откуда знаешь? – ошарашенно спросила Вишня Вишню.

– Ниоткуда, – равнодушно ответила Вика. – Просто анализирую. И пока ничего такого в этом не вижу. Бабушка была замужем за неким мебельщиком Матулявичусом, а затем вышла замуж за некоего Вишнева. Пока никаких сенсаций.

Ника вздохнула. Сюрприз почти провалился. Но только почти...

– Да, так оно и было. Но почему ты, вся такая аналитическая, не спросишь, откуда твоя простая смертная сестра знает все это? И почему так важен шкаф? Хотя нет, не говори, – девушка фыркнула, – ты и сейчас все опоплишь своей высшей математикой. Скажешь, что я нашла бумаги в шкафу.

Вика только развела руками – да, скажу...

– Да, скажешь, – продолжила сестра, – полностью лишишь себя всей фабулы. И чего я, дура, неслась к тебе сломя голову?

– Затем, чтобы выдать мне эту свою фабулу. – Вика поправила хвост. – Я всего лишь проанализировала исходные данные и предположила результат. Но самое интересное в обработке массивов данных всегда находится в середине. Я тебя слушаю.

– Массивы данных, массивы данных... – бурчала Ника. –

Какая ты порой бываешь занудная! – Сестра нажала на газ. – Ну ладно, слушай. Короче...

Ника решила всерьез заняться теорией вопроса. Она видела, что Дэн не просто так ставит паруса, вяжет интересные узлы и ювелирно швартуется – чувствовалась школа. Открыв старинный, еще, кажется, довоенный шкаф, до которого десятилетиями ни у кого не доходили руки (действительно хотели на дрова), она обнаружила на внутренней части створки шильдик «Matulavičius Balt/Egoists/1926». Прекрасно, подумала Ника и прикинула, что «Эгоиста» можно отреставрировать (знакомые есть) и выгодно продать.... Но ее сейчас интересовала не коммерция, а папашкины книги. Вытащив с десятков корешков, она выбрала «Руководство по парусному спорту для начинающих», г. Ленинград, 1939 г. Вот! То, что надо!

После восхвалений достижений Великой Октябрьской Социалистической революции и од во здравие великого товарища Сталина «Руководство по парусному спорту для начинающих» наконец-то переходило к тому, ради чего, собственно, и было издано. Книга писалась основательно, добросовестно, хорошим и понятным слогом, часто давались ссылки. Как сейчас бы сказали: «Яхтинг для чайников». На пятнадцатой странице Вишня наткнулась на закладку в виде сложенного листа бумаги и, конечно, развернула его... Лист разломился на две части, и яхтинг имени товарища Сталина сразу отошел на задний план – перед девушкой

лежала схема «Эгоиста». Четырехстворчатый шкаф состоял из трех отделений: левое, правое и центральное – книжное, остекленное. «Глухие» боковые части, в свою очередь, разделялись на основное (нижнее) и вспомогательное (верхнее) отделения путем декоративного плинтуса. Только левый плинтус оказался вовсе не декоративным! Если открыть верхнюю створку, то плинтус, согласно схеме, вытягивался вперед и выводил на себе тонкие жердочки для сушки белья! «Эгоист» же!

Нике срочно потребовалось проверить, так ли это на самом деле, но не тут-то было! Невидимый с фронтального обзора шуруп держал плинтус... Сложности на то и существуют, чтобы их преодолевать! Вишня рванула к деду в сарай, набрала отверток и с третьего раза вывинтила ржавую железяку. Сушка вытянулась вперед, выплюнув вместе с жердочками дерматиновую папку на завязках.

– И что в папке? – уже заинтересованно спросила Вика около их дома.

– А это я тебе покажу через несколько минут, – ответила сестра, припарковывая Тарантаюшку.

– Всегда ты так...

Они вошли в квартиру, быстро приготовили ужин, сели за стол.

– Вина нет? – Ника отправила в рот кусок паданского сыра, который сразу же напомнил об Италии, море, вине и блаженстве...

– Итальянского нет – я им на работе за отпуск проставилась. – Вика положила себе спагетти, – Но если хочешь, можно сбегать в магазин.

– Нет, здесь такого все равно не найти. – Глаза близняшки грустно посинели. – Ладно, давай поужинаем и приступим к делу.

Коричневая выцветшая дерматиновая папка лежала на столе. Ника аккуратно развязала полуистлевшие шнуры и вытащила картонную рамку с фотографией неизвестного, но определенно красивого мужчины.

– Это кто? – спросила Вика, повертев картонку. – Хоть бы подписали...

– Не знаю. Но, исходя из того, что мы имеем, это, скорее всего, Нил Вишнев. Наш с тобой дед. Ради такого красавца от старого богатого графа Матулявичуса вполне можно уйти.

– А с чего ты решила, что Матулявичус был стар и богат? – Вика отложила предка и направилась ставить чайник.

– А вот с чего. – И Вишня выложила перед сестрой фотокопию какого-то документа на иностранном языке с фиолетовым штепелем «Dublikāts №2» и неразборчивой подписью.

– Что это? – Сестра поспешно вытерла об себя руки и вернулась к истории «Эгоиста».

– Вот перевод. У меня ребята знакомые нашли латыша из посольства, он и перевел. Читай. – И в этот раз на столе возник простой листок бумаги с набранным на компьютере

текстом:

«Настоящая дарственная составлена 15 сентября 1937 года в присутствии нотариуса города Риги Карла Фога в том, что господин Сигизмундс Матулявичус (год рождения 1875, город Вильна¹¹) оформляет в дар своей супруге госпоже Маргарите Матулявичуте (урожденная Прохорова, год рождения 1917, город Рига) свой особняк „Янтарь Балт“ на Рижском взморье...»

– Что это? – не дочитав до конца документ, снова спросила сестру Вика.

Жаль, кроме них самих, в тот вечер не нашлось никого, чтобы оценил игру света в александритах. Сидевшая напротив окна удивленная до крайности Вика смотрела фиолетовым взором в точно такие же, но только синие глаза Ники, расположившейся спиной к лучам вечернего солнца.

– Вообще-то это дарственная, – подозрительно спокойно ответила Вишня. – Дарственная на особняк «Янтарь Балт» с прилегающей к нему территорией, в нынешней Юрмале. А вот еще *документец*. – И извлекла из коричневой папки уже составленный на русском языке рукописный под копирку документ со штемпелем «Принято. Отв. Азаров М. В., 15.11.1940».

¹¹ Вильна – название Вильнюса до 1918 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.